

**ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЭТНИЧЕСКОГО
НАЗВАНИЯ БУРЯТ**

Б. Р. Зориктуев
/РАН, Улан-Удэ/

Аннотация: Проблема происхождения имени *бурят* является одной из наиболее давних в бурятоведении. В статье представлены результаты новейших исследований, полученных на основе выявления и изучения большого количества новых источников и пересмотра сложившихся подходов к раскрытию этимологии этнонимов.

Ключевые слова: Байкал, лесные племена, этноконсолидационные процессы, бурятская народность.

ORIGINATION OF ETHNIC NAME BURYAT

Abstract: The problem of the origination of the name *buryat* is one of the ancient in the buryat study. The results of the latest research was obtained by identifying and studying a large number of new sources and the revision of the existing approaches to the disclosure of the etymology of the ethnonims.

Key words: Baikal, forest tribes, consolidation processes, Buryat people.

Знакомство с этнической историей народов убеждает в том, что наиболее точное представление о происхождении этноса может дать расшифровка его самоназвания, в котором в концентрированном виде заключена информация об истории его носителей. Сказанное в полной мере относится и к этнониму *бурят*.

С давних пор степные монголы племена, обитавшие в лесной зоне, называли *лесными*. «Некоторым из монгольских племен, у которых юрт был около леса, дали имя хойин иргэн, т. е. лесное племя», — сообщает «Сборник летописей» (Рашид ад-Дин, 1952: 85). В связи с тем, что лесных племен в Монголии и на соседних территориях было много, то степные монголы наиболее крупным и заметным из них давали свои имена. Так, очевидно, возникло название *баргут*, относившееся к одному из основных племен Забайкалья¹ и означавшее «жители Барги», т. е. Баргуджин-Токума. В свою очередь, Барга имеет значение «глухой, лесистый, малоосвоенный уголок или край» (Бертагаев, 1958: 173–174).

¹ В статье упоминаются термины: Забайкалье (территория восточнее оз. Байкал), Предбайкалье (территория западнее оз. Байкал), Прибайкалье (территория по обе стороны Байкала).

В некоторых случаях данное правило распространялось на отдельные, несколько обособленно расположенные группы племен, компактно обитавшие на одной территории. Одну из таких групп составляли племена западнее Байкала, у которых имелись общие этногенетические мифы, были сильны охотничьи традиции с навыками ведения полукочевового скотоводства и земледелия, существовала своеобразная, отличная от чистых кочевников, материальная и духовная культура. Эти племена степные монголы, а вслед за ними и другие народы могли называть одним общим именем *бураад* [bura:d], которое состоит из основы *бураа* и суффикса множественности *-д*. В монгольском языке *бураа* имеет значения «густая роща», «лесная чаща», «густой лесок», «растущий кучами или полосами на горах или в степи лес» (Монгольско-русский словарь, 1894: 262; Монгол хэлний ..., 1966: 108). Любое из них приложимо к Предбайкалью. Поэтому слово *бураад* (в русском написании *бурат*), в широком смысле означающее «люди леса», точно соответствует понятию «лесные племена» или «лесные народы», которым степные монголы называли население южной и средней полосы Сибири, включая Баргуджин-Токум.

Существование праформы *бурат* доказывается целым рядом источников. Самый ранний датируется XVI в., это узбекский памятник «Маджму ат-таварих». В нем указано, что в этническом составе узбеков имеется род по названию *бурат* (Султанов, 1977: 165). По данным голландского ученого Н. Витсена, ойратского правителя Баатара Увш Тумэна, главы русского посольства в Китай, уроженца Голштинии Избранта Идеса, дипломата англичанина Джона Белла, автора анонимного труда «Наинновейшее государство Сибирь», изданного в Нюрнберге в 1725 г., коренное население западнее Байкала в середине и в конце XVII в. называлось *Burat* (Witsen, 1785: 103, 606, 658, 682; Баатар увш ..., 2006: 34, 65; Ides ..., 1706: 32–33; Bell, 1763: 245, 248, 254; Der allerneueste ..., 1725: 175–179).

Участник Первой Академической экспедиции по Сибири Я. И. Линденау, в начале 40-х гг. XVIII в. побывавший в Якутске, установил, что «якуты называют братских ... — *Burat*» (Линденау, 1983: 23). Услышанное от якутов подтвердилось в 1745 и 1746 гг. Уже в Предбайкалье во время поездок из Качуга к Байкалу и по некоторым другим местам Я. И. Линденау услышал от самих *братских*, что их имя *Burat* (Российский гос. архив древних актов: Ф. 199. Ед.хр. 511, ч. 1. Д. 6. Л.1-2 об., 15 об., 19-20 об.; Ед.хр. 511, ч. 1. Д. 7. Л.17 об., 21-24; Ед.хр. 511, ч. 1. Д. 8. Л.10).

С сообщением Я. И. Линденау перекликается труд В. М. Бакунина «Описание калмыцких народов» (1761). Автор пишет, что в XVI в. одна часть калмыков называлась баргу-бурат. Сейчас бураты, являясь подданными Российской империи, живут в Иркутской провинции. На своем языке они называют себя *бурат*, а россияне их — *братскими калмыками* (Бакунин, 1995: 20, 21).

В сочинениях некоторых западноевропейских авторов имя *бурат* записано несколько иначе. Французский иезуит Жербильон долго жил в Пекине и в конце XVII в. совершил ряд поездок по Халхе. В своих дорожных записях он отметил, что монголы живущий около Байкала народ зовут *Brattes* (Du Halde, 1736: 67).

Советский ученый Б. О. Долгих в противовес всем имеющимся данным считал, что предки бурят, лишь войдя в состав России, получили общее название,

которого у них раньше не было. Он полагал, что русские вначале объединили их именем *братья* или *братские люди*, а затем — *буряты*, которое стало вытеснять старые племенные названия (Долгих, 1953: 62). Но откуда русские могли взять имя *братья* или *братские люди*? Могли ли они сами назвать отнюдь не миролюбиво встретивших их коренных жителей Предбайкалья *братами*? Разумеется, нет. Поэтому понятно, что речь идет о наименовании, бытовавшем среди самого населения еще задолго до прихода русских. Таковым могло быть только имя *бурат*, которое русские, подобно Жербильону, воспринимали на слух и записывали как *брат(ы)*.

В дополнение к письменным источникам надо указать, что в настоящее время монголы Внутренней Монголии, ойраты Куку-нора и Синьцзяна КНР, население западных и восточных (Сухэ-Баторский, Восточный) аймаков Халхи, казахи и киргизы по-прежнему именуют бурят их старым именем *бурат*.

Вначале слово *бурат* было прозвищем, полученным от степных монголов. Позже оно наполнилось этническим содержанием и превратилось в самоназвание, ставшим общим наименованием предбайкальских племен. В закреплении слова *бурат* в качестве этнонима важную роль сыграло формирование племенного объединения на западной стороне Байкала, которое в социально-политическом плане, если судить по этническому составу, наличие общего вождя в лице булагатского князца Чекодея (Дополнения к актам историческим ..., 1848: 21) и той роли, для которой оно было создано (для военного грабежа кыштымных племен), совпадало с вождеством.

Ориентиром для хотя бы приблизительного определения времени образования племенного объединения бурат служат сочинение «Маджму ат-таварих» и труд В. М. Бакунина. Они показывают, что если в XVI в. вошедшие в состав узбеков и ойратов небольшие группы буратов уже имели это имя, то тогда племенное объединение, из состава которого они выделились, могло возникнуть во второй половине XV в. или на рубеже XV–XVI вв.

По архивным документам, до и после прихода русских объединение бурат было реально существовавшей этнической общностью в Предбайкалье. Бураты взимали дань не только со своих ближайших кыштымов, но и совершали эпизодические военные экспедиции в бассейн Среднего Енисея и Кана с целью сбора дани с обитавших там аринов, ассанов, коттов и других племен. Об этом же говорят события, связанные с приходом в буратскую землю русских и оказанным им сопротивлением со стороны коренного населения в ответ на произвол, погромы и разорение улусов. Участие в верхоленском и ангарском восстаниях середины 40-начала 50-х гг. буратов всего Предбайкалья, выработка ими планов совместных действий, выставление объединенных воинских отрядов числом более 2000 человек (там же: 22) было бы невозможно в случае отсутствия западнее Байкала хорошо организованного объединения племен.

Особо следует остановиться на верхоленском восстании, состоявшемся в 1645 г., в котором приняли участие все четыре основных племени Предбайкалья и Забайкалья: булагат, эхирит, хонгодор, хори. Наиболее примечательно участие в восстании хоринцев. Основная их масса в это время жила в Забайкалье, недавно

вернувшись из северо-восточных районов Монголии (время и причины ухода туда хоринцев неизвестны. — Б. З.). Некоторая же часть хоринцев, перебравшаяся на западную сторону Байкала, где береговая полоса, прилегающая к бассейну Верхней Лены, и остров Ольхон также относились к числу их «породных» земель, не пожелала остаться безучастной к происходившим событиям. Принимая это исключительно важное для понимания периодизации этнической истории Прибайкалья событие, можно сделать вывод, что начальной точкой отсчета формирования собственно бурятской народности следует считать середину XVII в., конкретно — 1645 г.

Название *бурат*, данное предбайкальцам их южными соседями-монголами, в неизменном виде сохранялось в отдельных местах почти до середины XVIII в. Но уже в начале этого столетия оно под воздействием языка местного населения подверглось некоторой фонетической перестройке. В итоге в 30-е гг., как удается точно проследить по письменным источникам, у большинства населения по западную сторону Байкала вместо прежнего *бураад* устойчиво бытовало новое имя *бурайд* [buræ:d] (русское написание — *бурэт*). Это свидетельствуют, что очень важно, труды участников двух экспедиций Академии наук по Сибири, которые на стыке 30-40-х и 60-70-х гг. XVIII в. работали около Байкала. И. Г. Гмелин, И. Э. Фишер, И. Г. Георги и П. С. Паллас в своих работах отметили, что самоназвание братских — *Burätten* (Gmelin, 1751: 396, 407, 424; Fischer, 1768: 14, 33; Georgi, 1775: 58, 296–298, 503–505; Pallas, 1776: 95, 177, 244). Точно так же — *Burätten* — зафиксировал имя *братских* швейцарец Ренье, который в середине XVIII в. жил в Иркутске и написал о бурэтах обстоятельную статью (Beitrag, 1780: 119–180).

В дальнейшем в Предбайкалье форма *бурэт* изменению не подверглась, что говорит о том, что с ее появлением и закреплением консолидационные процессы в регионе получили завершение. В начале XVIII в. объединительные процессы распространились в Забайкалье. Набрав там полную силу, они ускорили трансформацию племенного объединения бурат, название которой позднее переоформилось в *бурэт*, в этническую общность более высокого таксономического уровня — народность, занимавшей территорию уже на обоих берегах Байкала. Усилению объединительных тенденций способствовал не прерывавшийся поток мигрантов с запада. Оказавшись по соседству в Забайкалье, представители разных этнических групп, которые прежде были разделены озером, убеждались в своей принадлежности к одному этносу.

Решающим фактором, который оказал прямое и мощное воздействие на интенсификацию консолидационных процессов, явилось объединение частей формировавшейся народности в рамках Российского государства. Установление в 1727 г. русско-китайской границы, что означало окончательное присоединение Предбайкалья и Забайкалья к России, сближение обеих территорий и быстрое разрушение прежней территориально-этнической разобщенности, с неизбежностью привели к тому, что в орбиту объединительных процессов, вслед за хоринцами, вошли многочисленные монгольские роды юга Забайкалья. Как следствие всего этого наименование *бурэт*, перейдя в Забайкалье, стало перекрывать местные родоплеменные названия и употребляться в качестве

общего имени складывавшейся народности. Вероятно, этим именем первыми, на что указывает частота его использования в источниках, стали себя называть хоринцы. За ними имя *бурэт* переняли монголы. В итоге начиная с 30-х гг. XVIII в. на всей территории Предбайкалья, а затем Забайкалья установилось единое этническое название *бурэт*. Это хорошо видно из работы И. Георги, который в начале 70-х гг. о бурэтах (в написании автора — буретты) писал: «Они кочуют в южных, плосковатых, от части низменных и открытых горных местах Иркутского наместничества, начиная почти от Енисея вдоль Монгольской и Китайской границы, при Ангаре и Тунгуске, верхней Лене, около южного берега Байкала, в Даурии, при Селенге, при Аргуне и ее речках» (Георги, 1799: 24).

Вполне естественно, со второй половины XVIII в. этноним *бурэт* стал известен соседним народам. Этим именем до сих пор называют бурят якуты, монголы Хулун-Буирского и Хинганского аймаков Внутренней Монголии КНР. В сопредельной Монголии форма *бурэт* находит применение в ее центральных, ближайших к Южному Забайкалью, аймаках: Селенгинском, Центральном (Төв), Убур-Хангайском, Ара-Хангайском.

Опираясь на сообщение И. Георги, вполне можно было бы предположить, что в 70-х гг. XVIII в. в общих чертах сложились контуры новой народности. Однако такое утверждение было бы справедливым в том случае, если бы имя *бурэт* не претерпело последующую эволюцию. По имеющимся данным, в 40-х гг. XVIII в., по всей видимости, у селенгинских монголов под влиянием особенностей их языка название *бурэт* стало приобретать общеизвестную ныне форму *бурят*, которая в конечном итоге закрепилась за ними в качестве их самоназвания. В пользу этой гипотезы свидетельствует труд П. С. Палласа, в котором упоминаемое наряду с *бурет* имя *бурят* и производное от него слово *бурятский* как раз относятся к Забайкалью (Паллас, 1788: 102, 235). Так как в книге жители Предбайкалья неизменно именуются *буретами*, хоринцы — *хоринскими буретами* или чаще просто *буретами*, то тогда имя *бурят* в ней, вероятно, употреблено по отношению к забайкальским монголам. Таким образом, можно предположить, что оно возникло первоначально в указанной этнической среде.

Не исключено, что первыми среди монголов стали называть себя бурятами представители самого крупного рода табангут. Они жили в непосредственной близости к Селенгинскому острогу и к тому же составляли тех «мунгальских людей», с которыми из Иркутска и Селенгинска поддерживались постоянные сношения (Залкинд, 1958: 55). Это обстоятельство могло сыграть решающую роль в том, что новое имя *бурят* по официальным каналам получило быструю и широкую известность в стране.

Появлению и закреплению в Забайкалье имени *бурят* вместо прежнего *бурэт* весьма поспособствовала деятельность правительственных органов России, которые под давлением внешних обстоятельств стали запрещать жившим по Селенге монголам использовать их исконное самоназвание *монгол*. Данный запрет действовал довольно долго. В документе, который был составлен в 1789 г. по поручению Иркутского генерал-губернатора надворным советником Францем Лангансом на основании сведений, доставленных непосредственно с

мест, отмечалось: «Монголы в российском подданстве находящиеся, в разговорах между собой и братскими называют себя монгол, а когда с россиянами дело имеют, то именуются братскими. Сему причиною объявляют, что будто им монголами называться российскими правительствами давно запрещено: в ревизиях действительно писаны они братскими» (Гос. архив Красноярского края — ГАКК: Ф. 805. Ед. хр. 1. Д. 78. Л. 109).

Правительственный запрет был обусловлен не прекращавшимися претензиями со стороны маньчжурского двора, который требовал возвращения монгольских родов, оказавшихся по Буринскому договору 1727 г. в пределах России, на территорию Монголии. Во избежание такого развития событий государство сочло нужным закрепить забайкальских монголов за Россией путем как можно быстрого укоренения среди них в качестве самоназвания имени *бурят* (Залкинд, 1958: 35). Для этого, с одной стороны, для них был введен запрет на употребление названия *монгол*. С другой стороны, что нужно отметить особо, возникшему у них для обозначения самих себя новому имени *бурят* был придан статус официального наименования всей складывавшейся народности. Этим шагом маньчжурским властям было продемонстрировано, что живущие в Забайкалье монголы называются *бурятами*. Они являются жителями Российского государства и помышлять об их переселении в Монголию бесперспективно. О том, что имя *бурят* практически с самого своего возникновения функционировало именно в таком ключе, говорит тот факт, что с середины и почти до конца XVIII в. оно встречается исключительно в официальных документах, просветительских работах о Сибири и ее народах, написанных на русском языке представителями образованной части российского общества.

Изменение этнонима *бурэт* в *бурят* в языке населения Забайкалья не могло начаться раньше 40-х гг. XVIII в., потому что до этого времени названия *бурят*, о чем свидетельствуют все источники, попросту не существовало. Предположительно эта трансформация началась в 40-х гг. XVIII в. Ориентиром служит изданное в 1750 г. на русском языке сочинение Г. Ф. Миллера «Описание Сибирского царства», в котором в качестве имени живущего у Байкала населения сплошь использовано новое название *бурят*, хотя даже на востоке региона, не говоря уже о его западной части, еще прочно бытовала предшествующая форма *бурэт*. Так как ко времени опубликования работы Г. Ф. Миллера имя *бурят* имелось в перечне официально принятых наименований народов Российской империи, что, конечно же, было известно в Российской Академии наук, то издателям книги не оставалось ничего другого, как его и использовать. В итоге в труде немецкого ученого все население не только Забайкалья, но даже Предбайкалья, где названия *бурят* никогда не было, получило это имя.

Подобное свободное обращение с именем *бурят*, в результате чего этническая картина в регионе также оказалась представленной в значительно искаженном виде, было допущено в переведенных на русский язык книгах И. Е. Фишера и Д. Белла. Претензии нельзя предъявить издателям труда П. С. Палласа, в котором при ее переводе на русский язык этнические названия оставлены в том виде, в каком они существовали вблизи Байкала, когда там побывал немецкий исследователь.

При этом никого не должен смущать тот факт, что из двух имен *бурэт* и *бурят* последнее встречается в книге крайне редко. Важно то, что в работе упоминаются, как было сказано, имя *бурят* и образованное от него слово *бурятский*, без обращения к которым нельзя было обойтись. Они свидетельствовали о развитии в Забайкалье сложных, перекрестно развивавшихся процессов: с одной стороны, дальнейшего сближения монгольского и хоринского населения, с другой — вхождения монгольских этнических компонентов в состав бурятского народа. Поначалу монголы, даже после того, как оказались отрезанными границей от своих соплеменников в Монголии, в определенных жизненных ситуациях прибегали к своему исконному имени *монгол*. Но в дальнейшем, по мере осознания нераздельности своей исторической судьбы с судьбой всего населения не только восточной, но и западной стороны Байкала, подобно ему стали сначала называть себя *бурэт*, а потом *бурят*. Данный факт, подтверждаемый сочинением П. С. Палласа, в котором наряду с именем *монгол* упоминаются названия *бурэт* и *бурят*, говорит о том, что в начале второй половины XVIII в. быстро развивавшиеся консолидационные процессы значительно сблизили монголов со всем остальным населением Забайкалья и Предбайкалья.

Одним из наиболее ранних, а, может быть, даже самым ранним дошедшим до нас источником, в котором селенгинские монголы называют себя *бурийад*, т. е. бурятами, является памятник их обычного права «1775 он-а намор-ун сэгүл сара-йин 8-а эдүр-а бүгэдэ силэнггэ-йин мэдэгэн-ү хорин хойар отог-ун сайид-нар чуглажу чагажа хаули-йи тогтогожу хигсэн дангсу бичиг энэ амуй» («Книга законов, утвержденных собравшимися сайдами всех 22 родов Селенгинского ведомства в 8-й день последнего осеннего месяца 1775 г.»), составленный, как видно из его заголовка, в 1775 г. (Институт вост. рукописей РАН: Н 1. Л. 18). Дата создания документа говорит о том, что в это время процесс сложения народности приблизился к своей заключительной стадии.

Перелом наступил в 80-х гг. XVIII в. В это время тенденция смены названия *бурэт* формой *бурят* в среде автохтонного населения Забайкалья, в частности, хоринцев, получила необратимый характер. Об этом свидетельствуют два документа, один из которых датирован 1788 г., другой — 1789 г. Они показывают, что в это время объединительные процессы в Забайкалье в основном получили свое завершение. Первый документ, длинное название которого переводится «Положение о правилах жизни бурятского податного народа, принятое главным атаманом четырех бурятских кавалерийских полков Цэрэн Бадлуевым и вторым тайшой одиннадцати хоринских родов Юмцэрэн Ванчиковым с сановниками», написан, что очень важно, не русскими или их толмачами на русском языке, а представителями коренного населения — селенгинским казачьим атаманом Бадлуевым и хоринским тайшой Ванчиковым — на монгольском языке. В нем содержатся унифицированные положения о брачном праве, выработанные для хоринцев и селенгинцев в связи с участвовавшими между ними случаями заключения браков (Институт вост. рукописей РАН: MsG84. Л. 5-8). Документ четко показывает, что в конце 80-х гг. XVIII в. обе группы называли себя *бурятами*, что говорит как об углублявшемся процессе их сближения, так и о том, что они

осознавали себя частью единого народа, в состав которого входили не только жители Забайкалья, но и Предбайкалья.

От том, что в конце 80-х гг. XVIII в. коренное население Забайкалья называло себя *бурят*, подтверждает второй документ, составленный 12 июня 1789 г. начальником Нерчинских заводов французом Барботом де Марни, который жившее в их окрестностях местное население называет *бурятами*. Следуя наказу правительства, что при строительстве Петровского завода «посреди бурят в действие должно поступить с осторожностью», он от подчиненных ему людей требовал вежливого обращения с ними. В своих отчетах Барбот де Марни докладывал, что на завод были отправлены люди «лутчие поведением... и что перекочевкам бурят и всему их обращению препятствия не делались...» (Гос. архив Забайкальского края — ГАЗК: Ф. 70. Ед. хр. 2. Д. 2. Л. 50, 201–202).

И, наконец, можно привести еще один источник. Это памятник хоринского обычного права от 1800 г. «Эб хэб тогтогал» («Согласительный устав») по упорядочению торговой деятельности, подписавшиеся под которым представители всех хоринских родов и их главный тайша Дамба-Дугар Ринцино называют себя *хоринскими бурятами* (Цибиков, 1992: 124). Ценность документа в том, что он четко показывает закрепление сложившейся тенденции. Если на рубеже XVIII–XIX вв. хоринцы твердо называли себя *бурятами*, то это означало, что данное имя бесповоротно функционировало как общее название всего населения Забайкалья.

В источниках на русском языке почти с самого начала XVII в. коренные жители Прибайкалья называются *братами*, что является, как теперь известно, несколько стяженной формой имени *бурат*. Появившееся после него имя *бурэт* в источниках не обнаруживается, что, вероятно, объясняется тем, что русские и это имя записывали ставшим для них привычным словом *браты*. Вместе с тем надо полагать, что с конца XVIII в., когда забайкальские монголы и хоринцы окончательно определились с общим для них самоназванием, русские как к ним, так и к населению по западную сторону Байкала, причем не только в деловых документах, научной и научно-просветительской литературе, как ранее, но и в разговорной речи, стали широко использовать имя *бурят*, что привело к массовому вытеснению у них из обихода прежнего названия *браты*. На рубеже XVIII–XIX вв. это давно изжившее себя слово в силу отсутствия условий для его функционирования полностью вышло у русских из употребления.

Появление имени *бурят*, пришедшее на смену названию *бурэт*, свидетельствовало о том, что в 80-х гг. XVIII в. консолидационные процессы за Байкалом, как ранее в Предбайкалье, в общем получили свое завершение. В масштабе всего региона установившаяся этническая стабильность знаменовала возникновение новой народности, основные признаки которой, присущие данному типу этноса, были налицо. Окончательно закрепилась территориальная общность, интенсивно формировалась общность экономической жизни, языка, культуры и психологического склада. Для межэтнического сближения большое значение имели административные реформы, унифицировавшие местное управление и довершавшие разрушение родоплеменной организации (Залкинд, 1958: 151–164). Но самое главное, у населения как Предбайкалья, так и Забайкалья

сформировалось единое этническое самосознание, благодаря которому у него сложилось прочное представление о национальном единстве. При наличии двух несколько различающихся по звучанию этнонимов *бурэт* и *бурят*, закрепившихся как названия населения по западную и восточную стороны Байкала, официальное наименование народности *бурят* стало объединяющим фактором обеих частей этноса. Это означало, что в 80-х гг. XVIII в. оно приобрело статус общего самоназвания всего автохтонного населения региона, что свидетельствовало о завершении в данное время в целом процесса образования на восточных рубежах Российского государства нового этноса — бурятской народности. Этот вывод целиком согласуется с общепринятым в отечественной этнологии положением, что процесс этногенеза завершился в момент проявления у участвующего в нем населения отчетливого этнического самосознания, внешним выражением которого становилось общее самоназвание (Крюков и др., 1978: 7, 29).

Список литературы:

1. Бакунин, В. М. (1995) Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. Соч. 1761 года. 2-е изд. Элиста.
2. Бертагаев, Т. А. (1958) Об этимологии слов баргуджин, баргут и тукум // Филология и история монгольских народов. М.
3. Георги, И. (1799) Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб. Ч. 2.
4. Долгих, Б. О. (1953) Некоторые данные к истории образования бурятского народа // Советская этнография. № 1.
5. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археограф. комиссией (1848) СПб. Т. 3.
6. Залкинд, Е. М. (1958) Присоединение Бурятии к России. Улан-Удэ.
7. Крюков, М. В., Сафонов, М. В., Чебоксаров, Н. Н. (1978) Древние китайцы: проблемы этногенеза. М.
8. Линденау, Я. И. (1983) Описание народов Сибири (первая половина XVIII в.). Магадан.
9. Монгольско-русский словарь / сост. К. Ф. Голстунский (1894) СПб. Т. 2.
10. Паллас, П. С. (1788) Путешествие по разным провинциям Российского государства / пер. В. Зуев. СПб. Ч. 3. Кн. 1.
11. Рашид ад-Дин (1952) Сборник летописей. М. ; Л. Т. 1, кн. 1.
12. Султанов, Т. И. (1977) Опыт анализа традиционных списков 92 «племен илатийа» // Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура). М.
13. Цибилов, Б. Д. (1992) Обычное право хоринских бурят. Улан-Удэ.
14. Баатар увш туурвисан «Дөрвөн ойрадын түүх оршив» (2006) / Тайлбар бичсэн Б.Түвшинтөгс, Н. Сүхбаатар. Улаанбаатар. (На монг. яз.).
15. Монгол хэлний товч тайлбар толь (1966) / Зохиосон Я. Цэвэл. Улаанбаатар. (На монг. яз.).
16. Bell, J. (1763) Travels from State Petersburg in Russia to diverse parts of Asia.

- Glasgow. Vol. 1-2.
17. Beitrage zur Erweiterung der Geschichtskunde, hrsg von Johann Georg Meusel. (1780) Th. 1. Augsburg.
 18. Der allerneueste, Staat von Sibirien, eines grossen und zuvor wenig bekannten Moscovitischen Provinz in Asian etc. (1725) Nürnberg.
 19. Du Halde (1736) Description géographique, historique, chronologique, politique et physique de L Empire de la Chine et de la Tartarie Chinoise. La Haye.
 20. Fischer, J. E. (1768) Sibirische Geschichte von der Entdeckung Sibiriens bis auf die Eroberung dieses Landes durch die russische Waffen. St-Petersburg.
 21. Georgi, J. G. (1775) Bemerkungen einer Reise im Russischen Reich. St-Petersburg.
 22. Gmelin, I.G. (1751) Reise durch Sibirien von dem Jahr 1733 bis 1743. Th. 3. Guttingen.
 23. Ides Evert Ysbrantszoon (1706) Three years travels from Moscow over-land to China. Lonlon.
 24. Pallas, P. S. (1776) Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs. St-Petersburg.
 25. Witsen, N. (1785) Noord en Oost Tartaryen. Amsterdam. Deel. 1-2.